

**РОССИЙСКИЙ УЧЕНЫЙ А. И. ОЗОЛИН И ЕГО ТРУДЫ
ПО ИСТОРИИ ГУСИТСКОГО ДВИЖЕНИЯ**

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ ГАЛЯМИЧЕВ

The author of this article describe biography and historical works of Russian scientist A. Ozolin (1907–1997), discover his contribution in the study of Hussite movement.

Key words: Russian historiography; A. I. Ozolin; hussite movement

Когда в 1965 году Чехословацкая академия наук выпустила памятную медаль в честь 550-летия со дня трагической гибели Яна Гуса, которой были награждены наиболее видные гуситоведы того времени, одна из этих наград была отправлена в Россию, в город Саратов, и вручена доценту кафедры истории средних веков Саратовского университета имени Н. Г. Чернышевского Артуру Ивановичу Озолину (1907–1997).

Таким образом родина Яна Гуса отметила заслуги историка-слависта из России, посвятившего делу изучения гуситского движения всю свою жизнь. Весьма вероятно, что именно он является самым преданным и увлечённым гуситской темой исследователем за пределами Чехии всех времен и народов. Думается, что чешскому читателю будет небезынтересно познакомиться с основными вехами жизненного и творческого пути российского учёного.

А. И. Озолин родился 7 января 1907 года в городе Сердобске Саратовской губернии (ныне – Пензенской области) в семье железнодорожного служащего¹. Раннее детство будущего историка было отмечено событием, отблеск которого озарял его жизнь вплоть до самых последних дней: осенью 1910 года отец А. И. Озолина, Иван Иванович Озолин, занимал должность начальника станции Астапово, и в его доме нашёл последний земной приют великий русский писатель Лев Николаевич Толстой.

Иван Иванович Озолин оставил воспоминания о последних днях Л. Н. Толстого², а его имя стало известно всему читающему и думающему человечеству. Проявленные И. И. Озолиным самоотверженность, выдержка и мужество в эти тяжёлые дни были высоко оценены родными и близкими писателя, выдающимися современниками³.

Детские и юношеские годы А. И. Озолина прошли в Саратове, куда семья переехала вскоре после событий осени 1910 года. Здесь он закончил в 1925 году школу-девятилетку, а затем (в 1928 году) – Саратовский педагогический техникум⁴ по рождённой временем революционного обновления Советской России специальности «политпросветработник». По окончании техникума он стал работать в Саратовской областной библиотеке.

¹ Факты биографии историка установлены на основе данных двух личных дел, хранящихся в Архиве Саратовского государственного университета. Одно из них было передано в 1955 году из Саратовского государственного педагогического института при переходе историка на работу в университет. Другое было начато в 1955 году в связи с началом его работы в университете.

² См.: ОЗОЛИН, И. В.: *Последний приют*. In: Литературное обозрение, 1978, No 9, с. 101–105. В доме, где жил И. И. Озолин, сегодня располагается мемориальный музей.

³ См. подробнее: ЮДИН, В.: *Рядом с Толстым*. In: Годы и люди. Саратов 1988, с. 66–72.

⁴ Техникум – тип среднего специального учебного заведения, возникший в России после Октябрьской революции 1917 года.

Стремясь к расширению и углублению своего образования, в 1930–1933 гг. А. И. Озолин учился (на заочном отделении, продолжая работать в библиотеке) одновременно на двух факультетах Саратовского педагогического института – лингвистическом и историческом. Защитив дипломное сочинение на тему «Ян Гус и гуситское движение в Чехии»⁵, он был приглашён на работу в институт и с 1934 года стал преподавателем кафедры истории Запада и Востока в родном институте.

Тема гуситской эпопеи, которой было посвящено первое самостоятельное исследование А. И. Озолина, стала главной темой всей его последующей научной деятельности. Этот выбор был в какой-то степени навеян семейными традициями. Во-первых, следует вспомнить, что А. И. Озолин воспитывался в лютеранской семье (отец – латыш, мать – немка), а в среде последователей Мартина Лютера в течение столетий бережно хранилось уважительное, восходящее к самому Лютеру отношение к вождю чешской реформации XV века. Во-вторых, определённую роль сыграла и причастность А. И. Озолина к судьбе Л. Н. Толстого, живо интересовавшегося идейным наследием гуситства, прежде всего – учением основателя «Общины чешских братьев» Петра Хельчицкого⁶.

Однако решающую роль в выборе темы исследований А. И. Озолина сыграло, по-видимому, то, что история гуситской эпохи оказалась удивительно созвучна времени, на которое пришлось детство и юность будущего историка – бурным годам Революции и Гражданской войны в России, когда, как и пятью столетиями прежде в гуситской Чехии, рушились вековые устои, сталкивались в смертельном бою сторонники противоположных принципов, соседствовали бескорыстие и самоотверженность с вероломством и предательством.

Несмотря на то, что пережитые страной потрясения тяжело сказались на личной судьбе А. И. Озолина, воспитывавшегося в многодетной семье, которая осталась без кормильца накануне Революции⁷, он на протяжении всей своей жизни сохранял убеждение в закономерности и необходимости революционных изменений в вековом укладе жизни России и верность социалистическому идеалу общественного строя⁸.

Избрав гуситскую историю в качестве предмета своих исследований, А. И. Озолин встретил на своём пути немало трудностей. Они были связаны не только с отсутствием в тогдашнем Саратове традиций гуманитарного университетского образования⁹, и тем более – подготовки в области вспомогательных исторических дисциплин, но и с фактическим прекращением научно-исследовательской деятельности в области изучения истории зарубежных славянских народов в СССР в межвоенный период. Молодой

⁵ Завершая обучение на лингвистическом факультете Педагогического института, А. И. Озолин защитил дипломную работу на тему «Роман Чарльза Диккенса Трудные времена.

⁶ Об отношении Л. Н. Толстого к наследию Петра Хельчицкого см. подробнее: ЛАПТЕВА Л. П.: *Чешский мыслитель XV века Пётр Хельчицкий в русской историографии. Пётр Хельчицкий и Лев Толстой*. In: Вестник Московского ун-та, серия 8, История, 1996, No 3, с. 48–56.

⁷ Иван Иванович Озолин умер в Саратове в 1913 году.

⁸ Коллега А. И. Озолина, доцент кафедры истории средних веков Саратовского университета В. А. Ермолаев, знавший его с середины 1930-х годов до последних дней, даже выразил в недавно опубликованных воспоминаниях своё недоумение по поводу не критичности отношения А. И. Озолина к Советской власти и общественно-политическому строю СССР, включая времена сталинского режима. См.: ЕРМОЛАЕВ, В. А.: *Без гнева и пристрастия. Записки историка*. Саратов, 2009, с. 313.

⁹ Историко-филологический факультет был создан в Саратовском университете летом 1917 года и уже в 1919 году был расформирован в связи с созданием в университетах России факультетов общественных наук, которые были призваны обеспечить качественные изменения в системе подготовки специалистов-гуманитариев.

историк был вынужден работать самостоятельно, полагаясь лишь на самооценку и самоотверженный труд, благодаря которому он постепенно превращался в выдающегося знатока истории гуситской эпохи.

Первоначальный вариант кандидатской диссертации – первой учёной степени в СССР – А. И. Озолин сумел подготовить к июню 1941 года. Накануне начала Великой Отечественной войны с текстом работы успел познакомиться и дал ей положительную оценку Зденек Неедлы – выдающийся чешский историк, эмигрировавший после фашистской оккупации Чехословакии в СССР и работавший тогда в Москве в качестве профессора кафедры истории южных и западных славян Московского университета.

Начало войны заставило историка надолго отложить дело завершения диссертации и её защиты. До декабря 1942 года он продолжал преподавательскую работу в Саратовском пединституте, а 3 декабря 1942-го года, во время решающих событий Сталинградской битвы, был призван в ряды Красной Армии и находился там до 15 ноября 1945-го года.

Вернувшись после демобилизации в Саратов, А. И. Озолин активно включился в научно-педагогическую деятельность и 16 июня 1948 года защитил кандидатскую диссертацию «Пражане и табориты» в совете Исторического факультета Московского университета.

Защита диссертации, подведя итог многолетнего труда, обозначила важный рубеж в творческой биографии историка: исследование, выходящее далеко за рамки обычной кандидатской диссертации по широте охвата материала и многоплановости поставленных научных задач, выдвинуло А. И. Озолина в число виднейших в нашей стране специалистов по истории зарубежных славянских народов. Жизнь показала верность сделанного им на пороге научной деятельности выбора, который потребовал смелости и мужества и многим представлялся тогда бесперспективным: из гонимой тематика изучения зарубежных славян в первые годы после Второй мировой войны превратилась в одно из самых приоритетных направлений исторических исследований в СССР, поскольку именно зарубежные славянские народы и государства оказались наиболее последовательными борцами против фашизма в годы войны и верными союзниками России по её окончании.

Историк из Саратова был привлечён к участию в написании важных обобщающих трудов историков СССР – двухтомной «Истории Чехословакии» и десяти томной «Всемирной истории»¹⁰.

Конец 1940-х–середина 1960-х гг. стали наиболее плодотворным периодом научного творчества А. И. Озолина. В эти годы увидел свет цикл его статей по различным аспектам истории гуситского движения¹¹, причём эти работы писались в русле живого диалога с историками Чехословакии: в этой связи уместно обратить внимание на написанный историком в соавторстве с Г. Э. Санчуком и П. И. Резоновым критический обзор появившихся в послевоенной Чехословакии гуситоведческих исследований¹², рецензию

¹⁰ В «Истории Чехословакии» перу А. И. Озолина принадлежат разделы о гуситском движении, а также ряду других вопросов истории Чехии XV – первой половины XIX вв. (См.: *История Чехословакии*. М., 1956, Т. 1. с. 169–185, 199–208, 225–250, 258–275, 319–356). Для «Всемирной истории» он написал раздел «Чехия под властью Габсбургов» (См.: *Всемирная история*. М., 1958, Т. 4, с. 385–399).

¹¹ См.: ОЗОЛИН, А. И.: *Гуситы в Турнэ*. In: Учёные записки Института славяноведения Академии наук СССР. М., 1952, Т. 4. с. 331–340; ОН ЖЕ: *Манифесты города Праги в годы крестьянской войны в Чехии*. In: Учёные записки Института славяноведения Академии наук СССР. М., 1952, Т. 5, с. 327–342; ОН ЖЕ: *О международном значении чешской крестьянской войны*. In: Вопросы истории, 1955, No 8, с. 57–71.

¹² См.: ОЗОЛИН, А. И. – САНЧУК, Г. Э. – РЕЗОНОВ, П. И.: *Гуситское движение в новых работах чешских и словацких историков*. In: Вопросы истории, 1954, No 10, с. 140–145.

на известный двухтомный труд Й. Мацека о гуситском Таборе¹³, а также на источниковедческую статью А. И. Озолина о гуситских сочинениях Будишинской рукописи, написанную непосредственно после её публикации в Чехословакии¹⁴.

В 1950-е годы работы и имя саратовского слависта приобрели международную известность. Особое значение имело его участие в работе международной научной конференции, посвящённой изучению характера, форм и степени влияния гуситских событий на современное им европейское общество, которая состоялась в Праге в 1954 году. А. И. Озолин выступил на конференции с докладом «Отклики на гуситство в некоторых странах Центральной и Западной Европы»¹⁵. Огромное впечатление на историка произвела природа и исторические достопримечательности Чехии, знакомство с которыми позволило ему по-новому взглянуть на прошлое чешских земель и подтолкнуло к новым решениям загадок истории. Трудно переоценить значение личных встреч с ведущими учёными Чехословакии, развернувшихся на конференции научных дискуссий¹⁶.

В конце 1950-х годов накопленные в ходе многолетних научных изысканий опыт и знания позволили А. И. Озолину приступить к подготовке монографического исследования о гуситском движении. Она вышла в свет в 1962 году¹⁷ и вошла в историю российского славяноведения как наиболее обстоятельный в русской науке XX века труд, в котором ставилась задача глобального осмысления феномена гуситского движения в общеевропейском контексте.

Важно отметить, что книга А. И. Озолина создавалась в контексте мировой историографии послевоенных десятилетий: автор монографии в духе методологических исканий того времени отошёл от событийной истории гуситской эпохи, предложив читателю ряд глав-очерков, посвящённых осмыслению тех сторон гуситской истории, которые выделялись ему наиболее значимыми¹⁸.

В первой главе своей книги («Основные чешские источники и историография гуситского революционного движения»¹⁹) он дал первый в литературе на русском языке систематический обзор письменных памятников гуситской эпохи чешского происхождения, выявил ведущие тенденции научного изучения истории гуситства от его начала (трудов Ф. Палацкого) до Второй мировой войны, представил развёрнутую характеристику литературы о гуситском движении конца 1940-х–1950-х годов²⁰, когда гуситская тема выдвинулась на одно из ведущих мест в мировой медиевистике, являясь

¹³ ОЗОЛИН, А. И.: *Новое исследование по истории Табора* (Рец. на кн.: МАЦЕК, Й.: Табор в гуситском революционном движении. Т. 2: Табор крестьянской и городской бедноты (Прага, 1955). In: Средние века, 1959, Вып. 14, с. 121–130.

¹⁴ ОЗОЛИН, А. И.: *Гуситские сочинения Будишинской рукописи как источник для изучения социально-политических требований и тактики бюргерской оппозиции в гуситском революционном движении*. In: Славянский архив, 1959, с. 57–80.

¹⁵ Доклад был опубликован в сборнике материалов конференции. См.: OZOLIN, A. I.: *Ohlas husitství v některých zemích střední a západní Evropy*. In: Mezinárodní ohlas husitství. Praha, 1958, s. 285–311.

¹⁶ Свообразным памятником дружеского общения являются хранящиеся ныне в Зональной Научной библиотеке СГУ книги с дарственными надписями видных чешских гуситоведов (Й. Мацека, В. Гусы, Ф. Кавки и др.).

¹⁷ См.: ОЗОЛИН, А. И.: *Из истории гуситского революционного движения*. Саратов 1962.

¹⁸ В этом смысле работа А. И. Озолина перекликается с вышедшей тремя годами позже книгой виднейшего немецкого специалиста по истории гуситского движения Ф. Зайбта. См.: SEIBT, F.: *Hussitica. Zur Struktur einer Revolution*. Graz–Köln 1965.

¹⁹ ОЗОЛИН А. И.: *Из истории гуситского революционного движения*, с. 5–46.

²⁰ См.: Там же, с. 23–46.

предметом оживлённых научных дискуссий (о кризисе феодализма в XIV веке, о природе гуситского движения, об истоках «второго издания крепостничества» в славянских землях и др.).

Во второй главе монографии («Чехия накануне гуситского восстания»²¹) А. И. Озолин выявляет глубокие социально-экономические и политические корни гуситского движения, основные составляющие того резкого обострения социальных противоречий в Чехии в последние десятилетия XIV – начале XV века, необходимость разрешения которых вызвала к жизни учение и деятельность Гуса, а затем – бурные потрясения периода гуситских войн.

Третья глава монографии («Программные требования и тактика таборитов»²²) посвящена всестороннему осмыслению истории гуситского Табора. А. И. Озолин впервые в российской науке отчётливо выявляет два периода в истории гуситского радикализма – хилиастический и послехилиастический, показывая разнородность идеологии и практической деятельности таборитов на каждом из этапов гуситских войн. Сегодня трудно полностью согласиться с предложенной А. И. Озолиным трактовкой содержания учения таборитских хилиастов о Судном дне, однако для того времени сама попытка его анализа, как и постановка вопроса о причинах отхода от хилиазма основной части таборитов²³ были проявлениями новаторства. А. И. Озолин первым в российской историографии попытался также дать систематическое изложение представлений таборитов послехилиастического периода о путях совершенствования общества²⁴.

В четвёртой главе своего исследования («Программные требования и тактика бюргерской оппозиции»²⁵) саратовский славист обратился к анализу деятельности умеренного крыла гуситов, попытался проследить эволюцию его программных установок, места и роли на различных этапах гуситских войн.

В пятой, заключительной главе монографии («Историческое значение чешской крестьянской войны»²⁶) рассматриваются исторические последствия гуситского движения как для последующего развития Чехии, так и для всей Европы. Рассматривая гуситское движение прежде всего как важнейший этап истории классовой борьбы в средневековой Европе, историк обосновывает далеко не бесспорную для науки того времени мысль о том, что несмотря на огромные разрушения военного лихолетья и острой социальной борьбы гуситские события имели позитивные последствия для всех сфер жизни чешского общества, преобразования гуситской эпохи составили основу для экономического и культурного расцвета чешских земель в XVI столетии²⁷.

Продолжая разрабатывать гуситскую проблематику, в середине 1960-х–начале 1970-х годов А. И. Озолин предполагал подготовить докторскую диссертацию по проблеме бюргерской оппозиции²⁸ в гуситском движении. Это решение было обусловлено рядом

²¹ Там же, с. 47–90.

²² ОЗОЛИН, А. И.: *Из истории гуситского революционного движения*, с. 91–197.

²³ Там же, с. 152–155.

²⁴ Там же, с. 172–187.

²⁵ Там же, с. 198–245.

²⁶ Там же, с. 246–268.

²⁷ ОЗОЛИН, А. И.: *Из истории гуситского революционного движения*, с. 246–247, 260–264.

²⁸ Так в марксистской историографии СССР 1950-х–1980-х годов было принято называть умеренное крыло гуситов, хотя уже тогда многим советским исследователям было ясно, что понятие «бюргерская оппозиция», введённое Ф. Энгельсом для характеристики социально-политического развития предреформационной Германии, не вполне адекватно отражает своеобразие социального состава, места и роли умеренного течения в гуситском движении.

обстоятельств, прежде всего, тем, что анализ программных требований, практической деятельности умеренных гуситов и её исторических последствий было наиболее оригинальным исследовательским сюжетом и в кандидатской диссертации, и в монографии А. И. Озолина: решительные действия таборитов, потрясшие современников, властно приковали к себе и преимущественное внимание учёных, начиная с трудов зачинателя научного изучения гуситства Ф. Палацкогго. В огромной по объёму мировой литературе о гуситском движении (включая чешскую историографию) не было специального обобщающего исследования о роли и месте умеренного крыла гуситов в движении.

А. И. Озолин опубликовал большую статью об экономических требованиях умеренных гуситов²⁹, затем – монографию об их социально-политических требованиях³⁰, ряд статей о национальном вопросе в предгуситской и гуситской Чехии³¹. Публикация исследований А. И. Озолина об умеренном крыле в гуситском движении, основанных на вдумчивом анализе широкого круга источников, имела большое значение для постепенного преодоления упрощённых представлений о гуситской эпохе, свойственных советской исторической литературе 1950-х–начала 1960-х годов: сведения сущности гуситских событий к определению «крестьянская война», замалчиванию вклада умеренных гуситов в отражение нашествий крестоносцев и обновление церкви, государства и общества, отождествлению поражения таборитов при Липанах с крахом гуситского движения в целом. К сожалению, эта большая работа не была доведена до конца и не завершилась опубликованием обобщающей монографии и защитой докторской диссертации.

Но несмотря на это А. И. Озолин оставался до последних дней своей жизни самым авторитетным в России специалистом по истории гуситского движения, продолжая публиковать результаты своих исследований главным образом на страницах тематических научных сборников, издававшихся Историческим факультетом Саратовского университета («Средневековый город», «Историографический сборник» и др.)³². В 1972 году А. И. Озолин основал «Славянский сборник», издающийся до настоящего времени³³.

Работая в саратовских вузах, А. И. Озолин много сил отдавал преподаванию. Если говорить о его работе в Саратовском университете, то особо следует отметить вклад А. И. Озолина в постановку преподавания общего курса истории южных и западных славян. Этот курс был введён в учебные планы исторических факультетов университетов СССР в конце Великой Отечественной войны и по причине отсутствия учебников и учебных пособий требовал огромного объёма работы и творческого поиска.

²⁹ ОЗОЛИН, А. И.: *Экономические требования бюргерской оппозиции в гуситском революционном движении*. In: Учёные записки Института славяноведения Академии наук СССР. М., 1964. Т. 28, с. 165–221.

³⁰ ОЗОЛИН, А. И.: *Бюргерская оппозиция в гуситском движении. Социально-политические требования*. Саратов 1973.

³¹ ОЗОЛИН А. И.: *Складывание национальной программы бюргерской оппозиции в Чехии конца XIV – начала XV вв.* In: Средневековый город. Саратов, 1968, Вып. 1, с. 111–164; ОН ЖЕ: *Зарождения і розвиток елементів національної самосвідомості в передгуситській і гуситській Чехії*. In: Українське словянознавство. Львів, 1971, Вып. 4, с. 3–15; ОН ЖЕ: *Национальный вопрос и гуситская бюргерская оппозиция в годы народного восстания (1419–1437)* In: Средневековый город. Саратов, 1974, Вып. 2, с. 111–145.

³² Приведём только важнейшие из них: ОЗОЛИН, А. И.: *Ян Гус о феодальном государстве* In: Вопросы славянской филологии. Саратов, 1963, с. 5–26; ОН ЖЕ: *Социально-политическая структура предгуситской Чехии*. In: Славянский сборник. Саратов, 1972, Вып. 1, с. 38–63; ОН ЖЕ: *Томаш Штитный – идеолог дворянского крыла бюргерской оппозиции в предгуситской Чехии*. In: Там же, с. 64–91; ОН ЖЕ: *Князья и прелаты Германии в борьбе с гуситским движением*. In: Славянский сборник. Саратов, 1985, Вып. 3, с. 127–142.

³³ В настоящее время готовится к печати 9-й выпуск «Славянского сборника».

А. И. Озолин считался также одним из наиболее вдумчивых руководителей научной работы студентов. Под его руководством были подготовлены десятки дипломных работ, посвящённых различным аспектам истории гуситского движения. К сожалению, условия работы в провинциальном университете не позволили ему создать научную школу историков чешского средневековья. Однако одна из его учениц, И. Р. Фишер, делавшая первые шаги в науке в Саратовском университете, а затем, с 1964 до 2009 года, работавшая в вузах столицы Республики Марий Эл Йошкар-Олы, выросла в одного из самых известных специалистов по истории Чехии в России, защитив докторскую диссертацию по материалам Чешского терезианского кадастра³⁴. Две небольших монографии были опубликованы автором этих строк³⁵, который писал под руководством А. И. Озолина дипломную работу, а затем кандидатскую диссертацию и работает на кафедре истории средних веков Саратовского университета с 1982 года по настоящее время.

И читать курс истории южных и западных славян, и руководить научной работой студентов и подготовкой дипломных работ в университете А. И. Озолин начал уже в первые послевоенные годы, до объединения исторических факультетов двух саратовских вузов в 1955 году. Он сумел органично влиться в университетский преподавательский коллектив, стал одним из наиболее ярких его представителей, формировавших особую творческую, доброжелательную обстановку, которая отличала исторический факультет Саратовского университета в 1950-е–1980-е годы.

Но ещё более важную роль он играл во время работы в своей alma mater, в особенности – в первое десятилетие после Великой Отечественной войны, когда он стал признанным лидером преподавательского коллектива исторического факультета Саратовского педагогического института, являлся его деканом. Лидерство А. И. Озолина определялось не только его большим научным авторитетом, профессионализмом, деловитостью, но и незаурядными душевными качествами.

Стиль работы Озолина – декана и преподавателя – нашёл, в частности, отражение на страницах документальной повести известного саратовского писателя А. Вольфа³⁶ «Бессмертная Анастасия», посвящённой жизненному пути героини Великой Отечественной войны, легендарной разведчицы, гвардии сержанта Анастасии Вшивцевой. Ставшая от полученных на войне ран инвалидом, А. Вшивцева поступила на исторический факультет Педагогического института благодаря решительной поддержке его тогдашнего декана, взявшего на себя ответственность за нарушение буквы закона, запрещавшего принимать в число студентов инвалидов. А затем, уже во время учёбы, именно А. И. Озолин проявил наибольшую заботу и самоотверженность, когда А. Вшивцеву настигло тяжёлое, смертельно опасное заболевание, часами находился в больничной палате, помог победить его, вернуться в студенческую аудиторию, а затем работать преподавателем истории в школе³⁷.

³⁴ ФИШЕР, И. Р.: *Феодалное поместье Чехии конца XVII – первой половины XVIII века*. Йошкар-Ола, 1992. Часть диссертации была опубликована в виде монографии: ФИШЕР И. Р.: *Крестьянство Чехии в период позднего феодализма*. Йошкар-Ола, 1990.

³⁵ ГАЛЯМИЧЕВ, А. Н.: *Гуситское движение в освещении либеральной немецкой медиевистики второй половины XIX века*. Саратов, 1988; ОН ЖЕ.: *Экономическое и социальное развитие раннего чешского города (Прага X – начало XIII века)*. Саратов, 1995.

³⁶ А. Вольф является, в частности, автором неоднократно издававшейся в Чехословакии документальной повести «Дремучие Бескиды», в которой рассказывается о героической борьбе партизан Чехословакии против немецко-фашистских оккупантов в годы Второй мировой войны.

³⁷ См.: ВОЛЬФ, А.: *Бессмертная Анастасия*. In: ВОЛЬФ, А.: *Пройти через огонь. Документальные повести о военных разведчиках*. Саратов, 1983, с. 235–239.

Таким образом, судьба А. И. Озолина – яркий пример самоотверженного служения науке и просвещению. Завершая нашу статью, хотелось бы обратить внимание на неразрывную, взаимообогащающую связь личности историка и предмета его научных занятий. Обращение А. И. Озолина к истории гуситской эпохи было определено его мировоззренческими исканиями, а события гуситского времени, в свою очередь, вновь и вновь служили для учёного уроками мужества, верности вечным человеческим ценностям, свободы в поиске научной истины.

Summary

Russian Scientist A. Ozolin and his Historical Works about Hussite Movement

The author of this article describe biography and historical works of Russian scientist A. Ozolin (1907–1997), discover his contribution in the study of Hussite movement.